

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

*Н. Колесницкий **

В докладе на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин отметил в качестве одного из недостатков нашей пропагандистской и идеологической работы отсутствие полной ясности, наличие некоторой неразберихи в таких вопросах теории, имеющих серьезное практическое значение, как вопрос о государстве вообще и о социалистическом государстве в особенности¹.

В свете этих замечаний И. В. Сталина следует обратить внимание на неудовлетворительное изучение вопросов истории феодального государства нашими историками-медиевистами. В советской исторической литературе нет ни одной специальной работы на эту тему, а в общей литературе по истории средних веков вопрос о феодальном государстве освещается и недостаточно и явно неудовлетворительно.

Даже в специальном учебнике по истории государства и права² имеются существенные недостатки в трактовке этого вопроса: отсутствует анализ социальных корней феодального государства, не вскрываются причины изменений его формы. Авторы увлекаются внешним описанием государства того или другого периода в той или иной стране. Вводные историко-экономические очерки служат лишь привесками, а цитируемые указания классиков марксизма-ленинизма, сами по себе чрезвычайно важные, не раскрываются в последующем анализе вопросов государства и права.

Между тем вопросы истории государства приобретают особую актуальность в связи с усилением нашей идеологической борьбы против враждебной, реакционной буржуазной идеологии. Именно в этой области буржуазная «наука» создала наибольшее количество легенд. В. И. Ленин указывал, что «едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве»³.

* Загорский учительский институт.

¹ См. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 600. 11-е изд.

² «История государства и права». Т. I, под ред. З. М. Черниловского. М. 1949.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 363. 3-е изд.

Буржуазные историки и государствоведы создали большую по объёму литературу с «средневековым государстве», его отдельных институтах и учреждениях. До сих пор советские историки ещё не разоблачили до конца разного рода «школы» и «концепции» буржуазной историографии феодального государства, хотя отзвуки этих «школ» и «концепций» так или иначе проникали и в нашу историческую литературу. И не только отзвуки: в весьма распространённых у нас книгах академика Д. М. Петрушевского проводится худшая из буржуазных концепций феодального государства — идеалистическая концепция, признающая за этим государством творческую силу, с помощью которой оно преобразует общество. Однако концепция эта не разоблачена нашими медиевистами до настоящего времени. Авторы упомянутой выше «Истории государства и права» нашли даже нужным отметить Петрушевского одним из первых в числе тех советских историков, которые «дали правильную оценку важнейшим фактам истории феодального общества»⁴.

Таким образом, существует настоятельная необходимость внести ясность в разработку вопросов феодального государства и разоблачить враждебные нашей науке буржуазные «школы» и «концепции» «средневекового государства».

Внешняя история феодального государства с его разнообразными институтами и учреждениями прослежена уже в исторической литературе довольно подробно. Научное решение ряда проблем, вставших при изучении вопроса, требует его рассмотрения в общетеоретической постановке.

Данная статья, построенная на материале западноевропейского феодализма, ограничивается только характеристикой отдельных проблем и попыткой показать пути, ведущие к их решению. Речь идёт о проблемах, возникающих при изучении изменений феодального государства, происходивших в процессе развития феодальной формации, и факторов, обусловивших эти изменения. Решение этих проблем предполагает: во-первых, раскрытие экономических предпосылок, т. е. первоосновы тех или других изменений в строе феодального государства; во-вторых, выяснение тех изменившихся социальных отношений, которые создали объективно необходимость «конституционных» изменений в феодальном государстве, и, наконец, определение тех политических сил, под непосредственным воздействием которых совершались эти изменения в форме феодального государства.

Методологической основой решения поставленных проблем являются положения исторического материализма о базисе и надстройке в общественно-экономических формациях и марксистско-ленинское учение о государстве.

Известное положение марксизма гласит: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁵.

Но если способ производства материальной жизни обуславливает политическую жизнь общества, политические учреждения, т. е. само государство, то и «изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений»⁶.

Однако государство, как политическое учреждение, как «машина для поддержания господства одного класса над другим»⁷, изменяется под воздействием никогда не прекращающегося развития производительных сил общества не механически и не прямо, а через посредство классов и классовой борьбы. Пока существует данный способ производства, данный общественный строй, пока не скажет своего решающего слова революция, государство изменяется господствующим при данном порядке классом по его «воле» (продиктованной обстоятельствами). Изменения в форме государства, в его учреждениях выступают, таким образом, как политические акты, как реформы, как результат политической борьбы, а на самой поверхности общественных явлений они выступают как действия партий, лиц, правителей.

Поэтому научное объяснение изменений в строе феодального государства обусловлено не только учётом перемен в феодальном производстве, в производствен-

⁴ «История государства и права». Т. I, стр. 224.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 322. М. 1948.

⁶ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 551.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 369.

ных отношениях, но и изучением того, как эти перемены преломляются в действиях борющихся классов, как они определяют «политический курс» господствующего класса. Забвение или хотя бы недооценка одной из этих предпосылок неизбежно приводит к ошибкам.

Так, забвение роли экономики, если можно так выразиться, объективно-исторической предпосылки, неизбежно ведёт к уклону в идеализм или, что то же самое, в юридизм. Результатом забвения роли «политического фактора» (или субъективно-исторической предпосылки) будет уклон в экономический материализм.

«Экономический фактор» настолько открыто обнаруживает своё влияние на государство, что этого не могут не заметить даже буржуазные историки. И многие из них склонны признать влияние экономики на политику, однако лишь в определенных рамках. Так, например, «вотчинная теория» признаёт политическую роль феодального землевладения; «натурально-хозяйственная» концепция признаёт даже, что изменения в форме феодального государства совершались под воздействием «экономического фактора», и объясняет эти изменения характером тех платёжных средств, которыми располагало государство для выполнения своих задач. По этой концепции, «падение» государства в период феодальной раздробленности рассматривается как следствие того, что в условиях натурального хозяйства, при отсутствии денег, государство (королевская власть), не располагавшее иными, кроме земли, платёжными средствами для содержания чиновников и воинов, вынуждено было раздавать землю и вместе с ней население, сидевшее на земле, частным лицам, чем себя вконец обескровило и подорвало основы собственного существования. Появление же в обороте денег дало возможность государству оплачивать чиновников, наёмных воинов и снова подняться на ноги и обрести свой настоящий вид.

Разумеется, и эта буржуазная теория построена на идеалистической основе. Она признаёт государство как само собой разумеющуюся предпосылку всякой общественной жизни, признаёт за государством роль выразителя функций общности (но отнюдь не классовых интересов). По этой теории, государство только использует экономику для выполнения своих общечеловеческих задач, а экономика, в свою очередь, влияет на государство только в обратном направлении. Таким образом, в этой концепции феодального государства «экономический фактор» является лишь вульгарно-материалистическим привеском.

Причины такого состояния буржуазной науки о государстве понятны. Вопрос о государстве, больше чем какой-либо другой вопрос, затрагивает интересы господствующих классов, говорит Ленин. «Учение о государстве служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ожидать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать... точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка»⁸.

Феодальное государство, изменяя свою форму в процессе развития феодальной формации, оставалось самим собой до конца своих дней, до тех пор, пока оно служило орудием господства класса феодалов-землевладельцев. Поэтому, изучая изменения феодального государства, мы ни на минуту не должны упускать из виду природу этого государства.

Классическое определение государства в феодальном обществе, как и во всяком обществе, построенном на эксплуатации господствующим меньшинством трудящегося большинства, дано в докладе И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б): «Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства». Товарищ Сталин указывает две основные функции, характеризующие деятельность государства: «...внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего госу-

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 364.

дарства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме»⁹.

Из сталинского определения государства вытекают следующие предпосылки, из которых мы будем исходить в дальнейшем.

Во-первых, так как государство в классовом обществе, построенном на эксплуатации, заботится главным образом о том, чтобы «держать эксплуатируемое большинство в узде», и к этому направлены все его усилия, то, следовательно, до тех пор, пока господствующий класс (феодальные землевладельцы при феодализме) удерживает в своих руках государственный аппарат, он стремится только усовершенствовать этот аппарат, сделать его более рациональным для выполнения данной задачи.

Во-вторых, возможность или невозможность удержать в «узде» эксплуатируемое большинство зависит не только от способности господствующего класса «удержать», но и от способности угнетённого, эксплуатируемого большинства сопротивляться, зависит от напряжённости классовой борьбы как основного своего условия.

В-третьих, сопротивление эксплуатируемого класса угнетению зависит от жизненных условий этого класса. Раб, крепостной, пролетарий совершенно по-разному сопротивляются эксплуатации и ставят совершенно различные цели в своей классовой борьбе¹⁰. И само крепостное крестьянство ставит различные цели и по-разному ведёт классовую борьбу в разные периоды развития феодального общества. Одно дело, когда крестьянина закрепощают, другое дело, когда он уже «раскрепощён»; одно дело, когда крестьянин не может оторваться от земли вследствие повсеместного господства «натурального образа жизни», и другое дело, когда он может уйти и добыть себе кусок хлеба на стороне — в городе, и т. п.

Следовательно, в разные периоды развития феодального строя господствующий класс феодальных землевладельцев должен был применять разные методы обуздания крепостных и соответственно с этим изменять свой аппарат принуждения. Отсюда следует также, что влияние экономики на феодальное государство, на его структуру сказывается не непосредственно (как считают экономические материалисты), а через посредство классов и классовой борьбы.

В-четвёртых, выполнение государством его второй, внешней (не главной) функции — «расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств» — тоже оказывало своё воздействие на государственную организацию, вызывая соответствующие изменения. При определённых условиях воздействие этого фактора на время могло стать даже определяющим (например, в некоторых из варварских государств).

Попытаемся теперь охарактеризовать все предпосылки изменений в форме феодального государства. Решающей предпосылкой, первоосновой всех изменений являлось, безусловно, развитие производительных сил феодального общества, так как производительные силы содержат в себе источник саморазвития и не требуют какого-либо толчка извне. Состояние производительных сил определяет каждый раз жизненное положение непосредственных производителей материальных благ, крепостного крестьянства, — одной из составных частей самих производительных сил этого общества. Под воздействием развивающихся производительных сил изменяется «природа» крепостного в прогрессивную сторону — от раба к свободному. Вместе с тем развивающийся «экономический фактор» вооружает крепостных и тем новым оружием классовой борьбы, с помощью которого они могут сбросить феодальные путы. При таких условиях господствующий класс феодальных землевладельцев, стремящийся увековечить феодальный порядок с его внеэкономическим принуждением, вынужден усиливать свои орудия борьбы с этой «эмансипацией» крепостных, угрожающей самому существованию феодального строя, вынужден «совершенствовать» своё государство.

С другой стороны, развитие производительных сил вызывает в верхах феодального общества соответствующую реакцию: феодал стремится использовать экономическое развитие исключительно в своих интересах и с этой целью изменяет методы феодальной эксплуатации; для выполнения этой же задачи он приспособляет и свой

⁹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 604.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 468.

аппарат внеэкономического принуждения. Одним методам эксплуатации, ставшим уже экономически невыгодными, феодал предпочитает другие, при данных условиях более для него целесообразные (переходит от отработочной ренты к ренте продуктами или денежной ренте, так же, как, например, рабовладелец сажал в своё время раба на землю или капиталист переходит от рассеянной мануфактуры к централизованной, а впоследствии — от мануфактуры к фабрично-заводскому производству).

Но изменения в методах эксплуатации приводят к определённым переменам в положении угнетённых и в формах их классовой борьбы. На усиление гнёта сверху трудящиеся отвечают усилением своего сопротивления снизу. А это, в свою очередь, вызывает ответную реакцию господствующего класса — «усовершенствование» аппарата угнетения, т. е. укрепление государства. Однако «экономический фактор» служит для господствующего класса не только стимулом изменения государственной организации, но создаёт вместе с тем и необходимые для этого средства. Развитие экономической жизни создаёт материальные предпосылки для усиления и централизации феодального государства; экономика вооружает носителей политической власти и материальными средствами для достижения поставленных политических целей.

Развитие экономики вызывает изменения не только в среде эксплуатируемых крепостных, но и в среде эксплуататоров-феодалов. А изменившиеся отношения внутри класса феодальных землевладельцев, в свою очередь, не могут не вызвать соответствующих изменений в самой организации господствующего класса в государстве. Одни из феодалов поспевают в ногу с экономическим прогрессом и становятся носителями новых политических тенденций, другие — сторонники политической реакции — цепляются за старые.

Как мы увидим дальше, этот момент, отражая изменения в структуре феодального общества, оказывал своё непосредственное воздействие на организацию феодального государства.

Необходимо ещё остановиться на взаимоотношениях между феодальным государством и отдельными представителями господствующего класса феодальных землевладельцев, а также и на взаимоотношениях внутри самого господствующего класса.

Государство в обществе, построенном на эксплуатации меньшинством большинства, является той формой организации господствующего класса, «в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, проводят свои общие интересы»¹¹. Интересы же господствующего класса сводятся прежде всего к тому, чтобы увековечить существующий порядок, чтобы удержать в узде «эксплуатируемое большинство». Только в данных рамках представители господствующего класса солидарны. Дальше этого и в отношениях между самими эксплуататорами, как и в их отношениях к эксплуатируемым, действует известный принцип: «Человек человеку — волк».

«Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами противостоят друг другу враждебно в качестве конкурентов»¹². В феодальном обществе этот закон проявляется в непрекращающихся военных столкновениях феодалов.

Но там, где решаются вопросы классовой борьбы, вопросы существования господствующего класса и его государства, там внутренние распри на время забываются и класс выступает солидарно против своего основного противника.

С этим положением нам придётся считаться при объяснении ряда особенностей государственного строя феодализма — феодальной раздробленности, «публично-правовых» и «частно-правовых» институтов в феодальном государстве и праве, превращения феодальных полугосударств в единую феодальную монархию.

Заметим ещё, что государству и его отдельным институтам присущ, как и другим явлениям общественной надстройки, определённый консерватизм; они продолжают существовать некоторое время даже после того, как условия, породившие их, изменяются или совсем исчезают.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 53.

¹² Там же, стр. 44.

Известная общая схема развития феодального государства, если отвлечься от местных особенностей, имеет следующий вид.

В дофеодальный период и в начале раннефеодального периода существуют крупные государственные образования (государство Каролингов на западе, Киевское государство на востоке Европы). Для периода раннего феодализма с его господством натурального хозяйства и преобладанием стработочной ренты повсюду характерна феодальная раздробленность. Феодальная государственная организация делится между «частным» и «публичным», между поместьем и королевской властью.

В результате разложения натурального хозяйства, отделения ремесла от земледелия разлагается «поместье-государство», создаются централизованные государства, нашедшие своё завершение в рамках национальных абсолютистских феодальных монархий в ряде стран Западной Европы и многонациональных абсолютистских государств на востоке Европы.

Попытаемся теперь на основе приведённых выше положений объяснить смысл всех этих изменений в строе феодального государства.

Государство дофеодального периода, «когда крестьяне не были ещё закрепощены»¹³, не следует смешивать с феодальным государством. Это — варварское государство. На Западе, у германцев, оно, появившись в результате разложения родового строя, сложилось окончательно только после вторжения германцев на римскую территорию¹⁴.

По форме это варварское государство германцев напоминает ещё их старую военную-демократическую организацию. Но, с другой стороны, оно стремится уподобиться римскому бюрократическому государству. Германская знать, заменившая на завоеванной территории римский государственный бюрократический аппарат, пытается подражанием Риму придать себе большую важность в глазах покорённого народа и своих соплеменников. Однако основой существования крупных государственных образований в дофеодальный период была вовсе не римская традиция, не идея Римской империи (в Восточной Европе эта идея вовсе не фигурировала), а свободный крестьянин. И дело не в том, что свободные крестьяне, составляя наряду с прочими массу подданных короля, образуя всеобщее государственное подданство, «удерживали» этим самым «государственность», как толкует буржуазная немецкая юридическая концепция средневекового государства, полагающая, что упразднение всеобщего непосредственного государственного подданства ущемило государственность и привело носительницу её — королевскую власть — к упадку.

Крупная государственная организация феодализирующей знати основывалась на весьма реальных факторах. Во-первых, эта знать нуждалась в органах принуждения, чтобы удержать в покорности всё ещё свободных соплеменников, «отучить» их от родовой демократии и «приучить» к государственному порядку, закабалить своих свободных соплеменников, превратить их в крепостных, наподобие римских колоннов, а их земли прибрать к рукам и увеличить таким способом своё феодальное землевладение.

Во-вторых, функцией варварского государства было объединение усилий знати для завоевания богатых римских территорий и покорения чужих племён. Эта функция временами даже становилась первостепенной задачей варварского государства. Военная добыча и систематические дани с покорённых составляли иногда основную часть государственных доходов.

Для выполнения этой внешней функции феодализирующаяся знать нуждалась в помощи всех своих, пока ещё свободных, соплеменников, что, однако, не могло помешать их закабалению; причины этого коренились в экономическом строе варваров, в наличии аллода.

Окончательное утверждение феодальных порядков, закрепощение основной массы свободного крестьянства привели к значительному изменению в строе государства, ставшего уже к тому времени вполне феодальным. Распадаются крупные государственные образования, наступает период феодальной раздробленности, период уделов, период господства вотчинного строя. Государство как бы разделяется между королев-

¹³ «Материалы к преподаванию истории СССР», стр. 22. М. 1937.

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 128.

ской властью и каждым из крупных феодальных землевладельцев, причём центр тяжести переносится на низ, в вотчину. Это деление резко заметно также и на двойственном положении самого короля. С одной стороны, он выступает попрежнему как носитель общей («публичной») государственной власти, с другой стороны, — как вотчинник — носитель частной власти. В его законодательстве, особенно по вопросам финансов, это деление проводится весьма чётко и как раз по той причине, что король не желает поступаться «частным» ради «публичного».

Внешне, если смотреть «от государства к обществу», создаётся впечатление, что прежняя единая государственная власть отказывается от своих прерогатив, передавая их одну за другой «частной» власти вотчинников, которая оттого будто бы и становится государственной, что получает соответствующие полномочия через иммунитетные грамоты от «настоящего государства».

Буржуазная юридическая концепция принимает это явление за чистую истину. Вообще распад крупных государств и победа феодальной раздробленности «вызывают у этих буржуазных историков панику. Они заявляют: «Исчезло государство», — а потом начинают с трудом его реконструировать, выводить из небытия, из мрака средневековья. Другие буржуазные историки — сторонники «патримониального государства», — наоборот, считают вотчину подлинным государством и даже, больше того, государством идеальным. Но никакие буржуазные «школы» и «концепции» не в состоянии научно объяснить это явление так же, как и природу самого государства.

Подходя к объяснению особенностей государства-вотчины, посмотрим сперва на само это государство, оставив пока в стороне ту основу, на которой оно возвышается.

Деление государства, наличие «двух государств», является несомненным фактом. Так же несомненно и то, что функции по «управлению» передаются королевской властью на низ — в руки крупных землевладельцев. Даже сам король «управляет» населением, живущим на его домене, не как король, а как частное лицо, как землевладелец. Не касаясь в данной связи вопроса об иммунитете, заметим только следующее: какие бы цели ни преследовали те, кто давал иммунитет, сами они меньше всего повинны в происхождении этого института. Как мы далее увидим, причины иммунитета коренились в изменившихся условиях эксплуатации населения, проживавшего на той территории, которая превращалась в иммунитетный округ.

Итак, в результате наличия частной «вещной» власти феодального землевладельца над закрепощённым населением (рабами, литами, колонами) и публичной власти над «свободными», которые закрепощались отныне посредством иммунитета, предоставляемого королевской властью, поместье приобрело вид государства. «Экономическое подчинение получило политическую санкцию. Вотчинник становится сеньёром (*seigneur*), поселенцы становятся его людьми (*homines*); господин (*Heerr*) становится начальником «человека» (*Малл*)»¹⁵. Наряду с массой этих государств-вотчин (включая и королевский домен) и над ними возвышается призрачная монархия. Классический пример иерархического феодального государства являет собой французская монархия X—XII веков.

Посмотрим теперь, какое из этих государств было настоящим, обладало аппаратом принуждения, вооружённой силой, судом, тюрьмами, «гражданской администрацией» и т. п. Настоящим государством, обладавшим всеми этими атрибутами, несомненно, была вотчина — сеньерия, — в том числе и королевский домен. Она одна имела власть над крепостным населением «иммунитетной территории», она одна располагала той реальной силой, с помощью которой можно было удержать в узде эксплуатируемое большинство и применять к нему внеэкономическое принуждение.

Что же оставалось за «общим правительством» короля, кроме суверенитета, которым оно располагало, подобно многим другим суверенам, на ограниченной территории собственной вотчины? Буржуазные историки государства признают за ним положение главы «публичной» власти, носителя никогда не переводившейся «идеи государства». Д. М. Петрушевский, например, признаёт за королевской властью даже и в этом жалком её положении присущую всякому государству силу творения, с помощью которой оно «преобразует общество по своему образу и подобию»¹⁶.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 403.

¹⁶ Д. Петрушевский. Очерки средневекового общества и государства. Заключение.

В действительности же королевская власть жила не «идеями», но некоторыми весьма реальными факторами. Она дополняла и завершала государство. Вотчина нуждалась в королевской власти, так как сама не могла справиться со всеми государственными задачами, стоявшими перед классом феодалов. По мере того, как эта «нужда» увеличивалась и сама вотчина при изменившихся обстоятельствах была уже не в состоянии попрежнему вершить государственные дела на своей территории, вотчина приходила в упадок как политическая сила, а королевская власть из «идеи» превращалась в действительность.

Посмотрим теперь снизу на феодальное государство периода феодальной раздробленности.

При том низком уровне развития производительных сил, когда сельское хозяйство было в сочетании с сельским ремеслом единственной основой существования всего населения, земля, как одна из главных производительных сил и главное условие труда, составляла и основной предмет собственности, а непосредственный производитель был только придатком к ней. Все общественные отношения основывались тогда на отношении людей к земле: отношения эксплуататоров с эксплуатируемыми строились на основе прав земельной собственности и держания земли, а сама эксплуатация основывалась на принципе внеэкономического принуждения. Отношения внутри самого класса эксплуататоров строились на основе землевладения (феодальная иерархия).

Государственная организация того периода феодализма, стремясь удержать в узде крепостных и осуществить внеэкономическое принуждение, нашла свою самую подходящую и экономную, с точки зрения феодальных землевладельцев, форму в вотчине. В самом деле, при том положении производства, когда непосредственный производитель стал только придатком к земле, был уже законом прикреплён к ней, закреплён, справиться с эксплуатируемыми мог любой землевладелец сам по себе. Крепостному, например, во Франции в IX—XI вв. просто некуда было убежать от своего помещика. И каждый вотчинник собственными силами справлялся с задачей внеэкономического принуждения своих крепостных до тех пор, пока вследствие низкого уровня развития производства, отсутствия общественного разделения труда (ремесло ещё не отделилось от земледелия, а органически его дополняло в натуральной системе хозяйства) непосредственный производитель был лишён возможности «подвижного образа жизни».

Феодал был в состоянии при этих условиях выколотить из органически прикреплённого к земле крестьянина ренту, принудить его к барщинному труду и к уплате натуральных оброков. Делить собранную ренту с королевской властью феодал был меньше всего намерен. Поэтому каждый вотчинник создаёт для осуществления главной функции государства — обуздания крепостных — свой «государственный аппарат», комплектуемый в основном из самих же крепостных, из миньистерялов (подобно тому, как позже дворянство создаёт бюрократию из буржуазии). Этот аппарат одновременно руководит производством и осуществляет от имени феодала присущие землевладельцу государственные функции по отношению к населению вотчины (см. *Capitulare de Villis*).

Но это «государство-вотчина» (поместье-государство) было незаконченным, представляло собой только «полугосударство». Оно не могло справиться с другими государственными функциями — обеспечить каждому в отдельности и всем вместе феодалам данной страны возможность расширения своей территории и защиту своих земель от внешней угрозы. Оно по мере развития производительных сил в отдельных землях оказалось уже недостаточно сильным и для подавления «внутреннего врага», т. е. сопротивления крепостных. Короче говоря, в дальнейшем потребовалось дополнить и увенчать «поместье-государство». Правда, каждый «государь» старался осуществлять и эти государственные функции собственными силами, нападая на соседей и расширяя территорию своего «государства» за их счёт. Но от этого получалась ещё большая путаница, и внутренние распри были наруку только внешним противникам. Поэтому каждый из феодалов вынужден был в конце концов поступиться частью своего суверенитета и частью своих доходов в пользу верховного сюзерена-короля, «без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они находились в состоянии

непрерывного бунта»¹⁷. Так окончательно конституируется феодальное государство периода феодальной раздробленности. Основываясь на феодальном землевладении и даже совпадая с ним по принципу — чья собственность, того и власть, — государство нашло для своего завершения готовую форму в феодальной иерархии.

В отличие от других «форм правления» здесь каждый представитель господствующего класса лично и непосредственно осуществляет государственную власть, а государство в целом существует в расщепленном виде, — оно делится между вотчиной и королевской властью, между отдельными членами феодальной иерархии. Основой существования такого порядка, как мы уже видели, был низкий уровень развития производительных сил феодального общества того периода. Обусловленный натуральным хозяйством, примитивный способ эксплуатации крепостных давал возможность каждому феодальному землевладельцу справиться с сопротивлением крепостных своими собственными силами.

Субъективным фактором существования такого порядка было стремление каждого феодала получать «неурезанный доход», т. е. всю сумму феодальной ренты от эксплуатации труда собственных крепостных.

Известно, с каким огромным трудом удалось королевской власти урезать наконец этот доход и получить от каждого феодала часть феодальной ренты в «общегосударственную казну». Всё это только подтверждает то положение, что эксплуататоры являются меньше всего коллективистами. Будь феодалы в состоянии обойтись без дорогостоящего государства при любых условиях, то, пожалуй, они не стали бы отказываться от той части причитающегося им по закону собственности «дохода», которую они вынуждены уступить государству.

Характерной чертой описанного выше феодального государства является его слитность, его почти полное тождество с господствующим классом феодальных землевладельцев. Здесь государство не обособилось ещё от «общества» эксплуататоров. В дальнейшем феодальное государство развивается в сторону такого видимого обособления. Но зато, освободившись от каждого из феодалов в отдельности, государство тем вернее будет выражать общие интересы всего класса феодальных землевладельцев. Эту победу «государственности» идеалистически мыслящие буржуазные историки объясняют «сферой собственной жизни государства», сумевшего восстановить, по их словам, свойственные ему юридические институты. На самом деле эта победа была результатом огромных сдвигов в развитии производительных сил феодального общества, в формах феодальной эксплуатации и в характере классовой борьбы, а также в положении и взаимоотношениях внутри господствующего класса феодальных землевладельцев.

Следующим этапом в развитии феодального государства было образование крупных монархий, объединение территорий, населённых в основном этнически однородным населением, в одно централизованное государство. Внешне этот процесс развивался так: королевская власть постепенно прибирала к своим рукам крупных феодалов, ликвидировала их государства-вотчины, а территории их присоединяла к своему домену. В результате войн и различных дипломатических комбинаций территории были объединены в централизованные государства. Суверенитет феодалов-князей был уничтожен силой королевской власти совместно с её союзниками. История не знает ни одного случая, когда бы какой-нибудь феодал добровольно поступился своим суверенитетом в пользу короля.

Взамен утраченного суверенитета феодалы получили в новой, централизованной монархии своё место в сословно-представительных учреждениях: парламентах, генеральных штатах и пр., где они уже не по одиночке, а все вместе могли осуществлять свою власть. Смысл образования сословной монархии для королевской власти был в том, что эта власть достигла, хотя и в ограниченном виде, господства там, где прежде её признавали только в роли сюзерена. Феодалы же получили в сословной монархии возможность осуществлять свой общий суверенитет вместо утраченного частного суверенитета.

Новая форма феодального государства — сословно-представительная монархия — создавалась вследствие естественной эволюции и осложнения задач этого государства. Представительство господствующего класса феодальных землевладельцев (светских и

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 444.

духовных) имело своим прецедентом королевскую курию. Причины превращения совета баронов в феодальный парламент нужно искать в изменившихся, в результате происшедших экономических сдвигов, взаимоотношениях внутри господствующего класса: король из верховного сюзерена и арбитра становится реальным носителем той политической власти, которая прежде всецело принадлежала сеньёрам; рента же попрежнему в своей основной массе поступает непосредственным феодальным землевладельцам (постоянных государственных налогов долгое время ещё не существует). Король иначе не может получить от феодалов часть их «доходов», как только с их общего согласия в парламенте. Феодалы в состоянии выдать или не выдать «субсидию» королю, необходимую монархии не только ради себя самой, но и ради феодалов: централизованная монархия была призвана обеспечить феодальную эксплуатацию при изменившихся условиях.

В этом скрывается слабость и вместе с тем жизненность сословно-представительной монархии.

В сословно-представительных учреждениях нашла своё место и новая общественная сила, образовавшаяся вследствие совершившихся экономических сдвигов, — городское сословие. Конституировавшись в условиях иерархического порядка как «вооружённая и самоуправляющаяся ассоциация», свободное от своих прежних господ — сеньёров, — «городское сословие» могло быть использовано королевской властью для давления на своих политических противников. К тому же горожане, освободившиеся от фискального гнёта сеньёров, интересовали короля как «третье податное сословие монархии». Используя эту новую по своей природе антифеодальную силу, монархия только расширяла свою базу.

Форма феодального государства, таким образом, изменилась существенно. Теперь уже не было дуализма — расщепления функций государства между вотчиной и королевской властью. Королевская власть, уничтожая княжества, принимала на себя их государственные функции по отношению к населению. Однако вотчинная власть не была окончательно уничтожена и существовала в той или иной степени вплоть до ликвидации феодализма, ибо феодальная эксплуатация, основанная на внеэкономическом принуждении, обуславливается наличием власти у принуждающего над принуждаемыми: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделённого землёй и ведущего своё хозяйство»¹⁸.

Монархия ещё не избавилась полностью от своих соперников. Они оказывали на неё постоянное давление через сословно-представительные учреждения. Иногда они поднимали бунт и ставили на карту самое существование монархии.

Остановимся теперь на характеристике тех моментов, которые обусловили переход от «иерархического» государства к централизованному.

Постараемся выяснить, чем было вызвано преобразование основанного на вотчине феодального государства, где королевская власть была только дополнением, в государство централизованное, в котором единая королевская власть стала основным, а позже и единственным его субъектом.

Причину этого преобразования нужно искать в изменившихся условиях экономической жизни, в изменившихся условиях эксплуатации крепостных крестьян, в изменившихся формах классовой борьбы. Для государства-вотчины стала непосильной задача обуздания крепостных. Только королевская власть, способная создать более сильные органы принуждения и распространявшаяся на более обширную территорию, могла справиться и с задачей обуздания крепостных и с другой задачей — обеспечить феодалам возможность расширять сферу эксплуатации за счёт внешних захватов. Тем более, что в связи с ростом торговли потребности феодалов значительно возросли.

Экономические процессы в Европе в X—XI вв. привели к разложению натурального хозяйства, отделению ремесла от земледелия, появлению и росту городов, развитию торговли, внедрению товарно-денежных отношений в сельское хозяйство. В связи с этим изменялось и положение крепостного крестьянства. Феодалы, заинтересованные в увеличении своих доходов, переводили крепостных на оброк. Оброчный крестьянин вёл уже более подвижной образ жизни. Когда появились города, он мог уйти туда в

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 159.

поисках заработка. Он мог просто убежать в город, тем более что городской воздух делал человека свободным: «Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов»¹⁹.

С ростом товарно-денежных отношений увеличивается и эксплуатация крестьян, определяемая уже не «ёмкостью желудка» феодала, а его возросшими потребностями. Это, в свою очередь, вызывает рост сопротивления крестьянства, обострение классовой борьбы. Под влиянием товарно-денежных отношений крестьянин всё настойчивее стремится вырваться из своего крепостного и зависимого положения, превратиться в свободного мелкого собственника. Эта тенденция, заложенная с самого начала в жизненных условиях крепостного, начинает всё более обнаруживаться в крестьянском хозяйстве и проявляется в усилении классовой борьбы крепостных.

Мог ли при этих условиях феодал только с помощью своих вооружённых людей и министерялов справиться с крепостными своей вотчины? Допустим, что на территории «своего царства» он мог ещё кое-как обуздать непокорных; а если они убегали в «чужое царство», в свободный город? Тогда необходима была посторонняя помощь. Нужен был закон, который действовал бы повсюду с одинаковой силой, нужна была власть, которая могла бы найти и обуздать «нарушителей закона». Нужен был мощный аппарат принуждения и подавления, который справился бы с усиливавшимся сопротивлением крепостных. Такой силой могла стать только королевская власть, которой до тех пор феодалы отводили столь незначительное место в своём государстве. Они и теперь не хотели поступиться своим суверенитетом, но королевская власть, опираясь на страдавшее от произвола аристократии дворянство и на все прогрессивные силы общества, вызванные к жизни совершавшимися экономическими сдвигами, доказала своё право на существование. «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов»²⁰.

Итак, если судить по видимости, то королевская власть восторжествовала против воли тех, кому она должна была служить. Но такие коллизии в истории — явление весьма распространённое.

Союзниками королевской власти в борьбе за централизацию государства были прежде всего те прогрессивные силы, которые образовались под поверхностью феодализма и в своём дальнейшем развитии дали первые ростки капитализма. «Союз королевской власти и буржуазии ведёт своё начало с X века»²¹.

Города стремились освободиться от тех самых сеньёров, которых в своих династических интересах стремились сокрушить король. Таким образом, союз этих двух сил был более чем естественен. Королевская власть использовала в своих интересах города и буржуазию, но объективно она делала важнейшее прогрессивное дело в интересах той же буржуазии. Ясно также, что королевская власть не смогла бы добиться победы над феодалами, не смогла бы утвердиться без поддержки со стороны прогрессивных сил. Вот почему Маркс и Энгельс говорят, что буржуазия — «главная основа крупных монархий вообще»²².

Из этого факта мы можем сделать весьма важный вывод об отношениях общества и государства. Факт этот прежде всего подтверждает, что «государство, политический порядок, является подчинённым, а гражданское общество, царство экономических отношений, главным элементом»²³. Факт этот показывает, что господствующий класс не был волен в выборе своей «формы правления», а эта «форма правления» навязывалась ему историей, условиями материальной жизни: «Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, — таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения»²⁴. Хотя господствующий класс (в данном случае выразитель его интересов — монарх, опирающийся на дворянство) сам изменяет своё государство, но направление, в котором совершаются изменения, определяется обстоятельствами, т. е. «царством экономических отношений». А отношения эти настолько

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 9.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 15.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 445.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 10—11.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 671.

²⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 545.

уже изменились, что удержать в узде эксплуатируемое большинство старыми методами становится невозможно. И государство приспосабливается к изменившимся отношениям.

Господствующий класс в лице его более прогрессивной части — дворянства — изменял форму своего государства и шёл пока в ногу с историческим развитием. Это означало, что феодализм только расцветал и далеко ещё не исчерпал своих возможностей. Если старая феодальная аристократия, чьё политическое господство соответствовало первой стадии развития феодализма, стала в новых условиях носителем политической реакции, то дворянство, возвысившееся в результате переворота, было носителем передовых начал.

Итак, «незаметная работа угнетённых классов, подорвавшая феодальную систему», могла ещё совершаться в её рамках. Система внеэкономического принуждения не стала ещё преградой на пути развития производительных сил, так как предпосылкой для «экономического принуждения» не было пока налицо. Поэтому господствующий класс имеет возможность изменять своё государство, приспособлять его к «обществу» до тех пор, пока «общество» не поставит вопроса о коренном изменении государства.

На этом примере мы можем проследить также обратное влияние государства на общество на данном этапе его развития. Господствующий класс в феодальном обществе, как и во всяком классовом эксплуататорском обществе, являясь положительным, утверждающим полюсом данного порядка, стремится увековечить свою власть. Государство как раз и служит ему для этой цели.

Само по себе стремление феодального государства увековечить феодальный строй с его внеэкономическим принуждением тормозит прогресс общества и в конце концов становится преградой исторического развития. Но из этого стремления вытекает и та положительная историческая роль, которую на определённом этапе играет феодальное (централизованное) государство. Чтобы увековечить феодальный способ эксплуатации, удержать в повиновении массы, господствующий класс укрепляет своё государство, централизует его. Но этим только оказывается услуга тем силам, против которых направлено усиление государства. Так длится до тех пор, пока само феодальное государство, как и экономические отношения, на которых оно возвышается, не станут непреодолимой в рамках существующего порядка преградой для дальнейшего прогресса производительных сил общества. Тогда уже «реформы» государства не смогут спасти его от катастрофы, тогда скажет своё решающее слово революция.

Но это время было далеко впереди. Феодальному государству предстояло ещё пережить эпоху своего блеска — эпоху абсолютизма.

Феодально-абсолютистская монархия — последний этап в развитии феодального государства. Подробно описывать этот государственный строй в его классической, французской форме и в различных вариантах здесь нет надобности.

Переход от сословной к абсолютной монархии внешне выразился в упразднении или ослаблении органов сословного представительства, в завершении централизации государства и создании бюрократического управления.

Когда феодальная аристократия, потерявшая уже раньше свою экономическую основу, теряет окончательно и своё политическое значение, побеждённая королевской властью, тогда создаётся абсолютная монархия. Она поднимается на «трупах этих феодальных великанов». Королевская власть побеждает феодальных суверенов только благодаря поддержке дворянства и зарождающейся буржуазии. Образованием абсолютной монархии завершается ликвидация феодальной раздробленности: завершается процесс превращения государственной организации из «иерархической», при которой каждый феодал «царствовал» в какой-то степени, в централизованную, при которой царствует один — первый дворянин в государстве, — выражая интересы всех дворян, а все дворяне являются его подданными.

С точки зрения национальных и классовых интересов всего дворянства, лучшей формой такого государства могла быть именно абсолютная монархия. Это ясно видно из опыта шляхетской республики в Польше. Следовательно, то крайнее «отчуждение государства от общества», которое мы наблюдаем при абсолютной монархии, оправдано даже с точки зрения взаимоотношений внутри господствующего класса феодалов. Заметим, что определение «абсолютная» эта феодальная монархия получила именно потому,

что она стала суверенной по отношению к собственному классу феодальных землевладельцев (ст других классов она и ранее не зависела).

При сравнении феодально-абсолютистской монархии с предшествовавшими ей формами феодального государства прежде всего бросается в глаза созданный ею мощный аппарат принуждения: постоянная армия, полиция, сложный бюрократический аппарат управления, уголовное законодательство и т. п. Чем же было вызвано и против кого было направлено это усиление аппарата принуждения феодального государства? Ответ на этот вопрос мы найдём, прослеживая те внутренние процессы в феодальном обществе, которые вызвали к жизни феодально-абсолютистский строй с его полной централизацией государства.

Развитие товарно-денежных отношений к тому времени (конец XV, XVI в. в Западной Европе) привело к появлению в недрах феодального общества капиталистических форм производства сперва в промышленности (капиталистическая мануфактура), а затем и в сельском хозяйстве. Первым условием развития этих передовых, капиталистических элементов было создание единого рынка, что было возможно только при установлении единства территории, централизации государства в национальных рамках. Большого пока не требовалось. Развитие буржуазных элементов не только ставило эти задачи, но создавало и средства для решения их. Самым могучим средством буржуазии были деньги. «У жителей городов было могучее оружие против феодализма — деньги»²³. Этим буржуазным средством в своих целях пользовалась и королевская власть.

Однако воздействие новых экономических факторов на феодальное государство проявлялось не механически и не прямо. Преломляясь своеобразно в интересах господствующего класса феодальных землевладельцев, новые экономические тенденции определяют политические действия господствующего класса и его отдельных групп, определяют посредством этого «конституцию» феодального государства. Изменения в экономике, совершавшиеся помимо воли отдельных людей и классов, создавали новые условия эксплуатации непосредственных производителей материальных благ, а это, в свою очередь, требовало преобразования аппарата принуждения, изменения существующей государственной организации.

К тому времени в странах Западной Европы крепостное право в основном уже себя изжило. Крестьянство усиливало свою борьбу за ликвидацию пут, связывавших его развитие и превращение в свободных мелких товаропроизводителей. Дворянство с его возросшими аппетитами уже не удовлетворялось доходами от эксплуатации крестьян (чинши и другие феодальные поборы) и настойчиво стремилось использовать для себя все плоды буржуазного развития. Между монархией и дворянством в этом отношении противоречий быть не могло. Самым подходящим способом эксплуатации трудящихся в новых условиях была государственная налоговая система, не связанная с существовавшими ранее традиционными отношениями и с прежними отношениями в землевладении в особенности. Она одинаково распространялась на всё производящее население. Для проведения этой налоговой политики и для подавления возраставшего сопротивления «налогоплательщиков» необходима была сильная государственная власть с действенным аппаратом принуждения, с централизованным бюрократическим аппаратом управления.

К тому же в этот период усложнялись и внешние задачи государства. В связи с оформлением наций, образованием централизованных, национальных (а при особых обстоятельствах многонациональных) государств «неорганизованные территории» и «промежуточные государства» не могут больше удержаться на положении суверенных государств и вынуждены скорее организоваться или войти в какую-либо из образовавшихся «систем». При таких условиях защита национальных интересов, национальной целостности стала весьма значительной проблемой для всякого государства.

Вместе с тем господствующий класс каждой страны стремился расширить сферу своей эксплуатации во вне, захватить побольше в «колониальном мире», начавшем так интересоваться европейские государства с конца XV века. Значит, и внешняя задача феодального государства, как и внутренняя, требовала того же — усиления самого государства.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI Ч. I, стр. 441.

Таким образом, переход к абсолютизму явился как бы ответом господствующего класса на изменившиеся условия жизни «гражданского общества», новой «реформой», приспособившей государство к потребностям «общества» (т. е. его господствующего класса).

Слово «реформа» взято в кавычки потому, что это был не сознательный государственный акт господствующего класса, а следствие открытой политической борьбы между его прогрессивной и реакционной для того времени группами: первая победила вторую. В результате этой «реформы» политика, приспособляясь к экономике, способствовала до поры до времени развитию экономики в рамках существующих отношений. Но этим противоречия феодальной системы ни в коей степени не разрешались. Получив возможность шире развиваться и вызревать в рамках существующего феодального порядка, новые, буржуазные отношения, окрепнув, тем с большей силой должны были взорвать этот феодальный строй.

Образование феодально-абсолютистской монархии, в рамках которой прогрессивные буржуазные начала могли развиваться более успешно, чем прежде, свидетельствует о том, что феодальная система пока ещё не изжила себя. Господствующий класс дворянства, осуществляя свои узко классовые государственные задачи, решал в какой-то степени и общенациональные (буржуазные) задачи. Но образование абсолютистской монархии было последним шагом дворянского класса в этом направлении. За этой последней «реформой» феодального государства должна была последовать уже революция.

Всё сказанное до сих пор об абсолютизме прямо относится только к его классической, французской форме. Но то же подтверждается и характеристикой абсолютизма в его отдельных национальных вариантах. В Англии, где в силу своеобразного экономического развития капиталистические формы в сельском хозяйстве утвердились раньше, чем само мелкобуржуазное крестьянское хозяйство, капитализм в сельском хозяйстве развивался через крупные хозяйства лордов, — здесь эксплуатация крестьянства приобретала другие, ещё более чудовищные формы, превращаясь в полную экспроприацию крестьянства. Осуществить эту экспроприацию, подавляя сопротивление крестьянства, господствующий класс мог только при наличии достаточно сильной государственной власти. Не выполнявшиеся никем акты правительства против огораживаний не могут опровергнуть того положения, что, например, тюдоровский абсолютизм неплохо выполнял поставленные перед ним английским дворянством задачи.

В России, в силу её как внутри экономических, так и внешне экономических и политических условий, господствующему дворянскому классу было выгодно эксплуатировать крестьянство с помощью отработочной системы и в сельском хозяйстве и в крепостных мануфактурах. Для усиления крепостного права и для подавления всё возраставшего организованного сопротивления крестьян дворянство укрепляло свою диктатуру в форме феодально-абсолютистской монархии. Нужно иметь в виду, что классовая борьба крепостного крестьянства против крепостников-помещиков и их государства в тот период достигает крайнего напряжения. Это объясняется, между прочим, и тем обстоятельством, что крепостное право с его отработочной системой существовало ныне в условиях уже развитой экономической жизни (а не натурального хозяйства), когда крепостной экономически уже далеко эволюционировал в направлении к свободному производителю.

До сих пор мы рассматривали вопрос об абсолютизме в плане развития феодального государства, не касаясь активного политического влияния созревающих в его лоне новых, антифеодальных сил. Мы пока говорили только об усложнении задач феодального государства в связи с развитием элементов капитализма в недрах феодального строя. Посмотрим, какое же непосредственное влияние на феодальное государство оказывала сама формирующаяся буржуазия.

Крестьянство, как антипод класса феодалов, играло при этом, как уже отмечалось, отрицательную роль, т. е. оно своей борьбой против феодальной эксплуатации, отрицая феодальный строй, заставляло феодалов-дворян усиливать аппарат принуждения — само феодальное государство.

Влияние буржуазии сказывалось по-другому. Ведь она, будучи «угнетённой», сама угнетала и до тех пор, пока не создала своё государство, должна была пользоваться в своих эксплуататорских интересах услугами существующего феодального государства. Но значит ли это, что роль буржуазии в утверждении абсолютизма была такой

же или почти такой же положительной, «конструктивной», как и роль дворянства? Или буржуазия, образуя «противовес» старому, феодальному классу, создавала только обстановку для победы королевской власти над феодальной аристократией?

Именно в таком смысле и определяют роль буржуазии в создании абсолютной монархии Маркс и Энгельс²⁶. Утверждая первое, мы должны были бы допустить, что буржуазия была участницей диктатуры, политической формой которой являлась абсолютная монархия. Но это противоречит и логике и фактам. Ведь смысл создания абсолютистского строя для дворянства в том и заключался, что с его помощью дворянство использовало в своих интересах буржуазное развитие, эксплуатируя в свою пользу и то, что «по праву» должно бы попасть в карманы буржуазии. Против этого говорят и такие немаловажные факты, как то, что повсюду буржуазия пришла к власти только в результате революции, покончившей с феодальным строем и с самой абсолютной монархией. Перерождения феодального государства в буржуазное, как известно, нигде не произошло. Чтобы разобраться глубже в этом вопросе, обратимся к самой истории.

Возможность разложения феодального способа производства и зарождения новых, буржуазных отношений внутри феодального строя дана в жизненных условиях крепостного крестьянства — класса, создававшего «настоящую историю» и несшего в себе исторический прогресс. Всё более освобождаясь от крепостного состояния, крестьянин должен был стать ядром образования новых общественных классов — свободных товаро-производителей, с одной стороны, и «свободных» (экспроприированных) пролетариев — с другой. Первым переломным моментом этого «превращения» было образование нового слоя, горожан, и появление средневекового плебейства.

Новое сословие — горожане — нашло своё естественное место в феодальном порядке, в феодальном иерархическом государстве, как «самоуправляющаяся ассоциация в коммуне»²⁷. Но этого было достаточно только для того, чтобы отстоять своё положение свободных людей, не дать феодалам возвратить горожан снова в положение крепостных. Дальнейшее развитие буржуазии как носителя зарождавшихся элементов товарного хозяйства было возможно только в рамках централизованных государств. В системе феодального государства и его сословно-представительных органов буржуазия находит для себя место — пусть и самое последнее — и становится, таким образом, неотъемлемым элементом феодального общества и его государства.

Сама феодальная монархия тоже нуждалась в этом «третьем сословии»: оно имело крайне нужные ей деньги и в своём естественном стремлении к единству государства было союзником монархии, выражавшей интересы передовой части господствующего класса — феодальных землевладельцев — и работавшей в том же направлении, что и зарождавшаяся буржуазия. Новая общественная сила — «третье сословие» — создавала, таким образом, предпосылки для победы королевской власти как «представительницы образующейся нации» над «бунтующими вассальными государствами». Это сословие являлось «главной основой крупных монархий вообще»²⁸. Без этих предпосылок королевская власть не поднялась бы выше положения созеренца в системе феодальной иерархии.

Но оказывало ли участие буржуазии в представительных учреждениях сословной монархии какое-либо влияние на «политический курс» этой монархии? Нет, монархия ни на йоту не переставала быть феодальной. Она только использовала «третье сословие» в своих политических и фискальных целях: «Королевская власть... поработила и ограбила своего союзника»²⁹. В области экономики развитие буржуазных элементов, не отрицая феодализма, а пока только приспосабливаясь к нему, доводило до крайности всё, что было в нём заложено. Точно так же и в области политики участие буржуазии в представительных учреждениях сословной монархии не нарушало её феодального характера, а только создавало предпосылки для конституирования буржуазии как новой политической силы. Политические притязания буржуазии начинаются только тогда, когда её экономическое могущество настолько созревает, что ей становится тесно в рамках феодального строя и появляется настоятельная необходимость взорвать эти рамки.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 212, 485.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 10.

²⁸ Там же, стр. 10—11.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, Ч. I, стр. 445.

А до тех пор буржуазия является только попутчиком феодальной монархии. Ведя борьбу за национальное единство, которое в то время было основным условием дальнейшего роста товарного обращения и товарного производства, условием дальнейшего преуспевания буржуазных элементов вообще, буржуазия считала своим противником не весь класс феодалов и тем более не феодальную монархию, а только феодальную аристократию, стремившуюся сохранить своё суверенное положение и увековечить состояние феодальной раздробленности.

Феодально-абсолютистская монархия и возвышается в этот период, используя борьбу двух сил, чтобы создать видимость полной независимости от каждой из них. «И тем более успевает в этом, чем более она является органом одного какого-нибудь класса и чем более она поддерживает господство этого класса»³⁰.

Сперва абсолютизм кладёт свой кулак на чашу весов буржуазии и расправляется с её помощью с феодальной аристократией, но потом, ввиду слишком усилившейся буржуазии, «обращает свои... отупевшие взоры на сельские округа, удобренные трупами поверженных великанов, её старых врагов»³¹.

Кроме централизованного государства (национального рынка), абсолютная монархия своими внешними захватами создаёт для буржуазии и внешний рынок. Своей политикой меркантилизма монархия ограждает страну от конкуренции и помогает своей буржуазии прочно стать на ноги. Но всё это делается не ради буржуазии, а ради «собственного блеска», создаваемого за счёт самой буржуазии.

Как уже отмечалось выше, усиление аппарата принуждения феодального государства, составляющее основную черту феодально-абсолютистской монархии вообще, не было в какой-либо степени в положительном и прямом смысле продиктовано интересами буржуазии. Объективно же деятельность абсолютной монархии до поры до времени способствовала интересам буржуазии. Но это свидетельствует лишь о том, что абсолютная монархия, как и феодальная система, над которой она возвышалась, пока ещё себя не изжила. Но что абсолютная монархия была плотью от плоти дворянства, была дворянским государством, не вызывает сомнения. Не нужно забывать, что буржуазия могла получить в ней настоящее место под солнцем, только изменив самой себе и уподобившись хотя бы по форме дворянству (дворянство мантии).

Если буржуазия, например, во Франции составляла кадры бюрократии, то и крепостные министерялы составляли некогда аппарат поместья-государства.

Недоразумения по вопросу об отношениях между абсолютной монархией и буржуазной возникают оттого, что иногда забывают об особенностях зарождения и «утробного» развития капиталистических отношений. Капиталистическое производство и соответствующая ему форма собственности не нуждаются в такой предпосылке, как коренная ломка феодального строя. Однако, существуя в рамках допустимого в феодальном обществе, буржуазная собственность, как и её носитель — буржуазия — далеко ещё не являются господами положения. «Непривилегированная» буржуазная собственность не укреплена законом, она может быть экспроприирована в любое время по прихоти дворянского государства, а сама буржуазия ещё не признана законной силой в государстве. Являясь и «всеми» и в то же время «ничем», она стремится стать «чем-либо» и приспособляется к феодальному строю до тех пор, пока он не станет ей поперёк горла.

Буржуазия — не субъект абсолютизма, а его основная объективная предпосылка, точно так же как и сама абсолютная монархия с её полной централизацией государства является условием развития буржуазии. Буржуазия сделала так же много для торжества абсолютизма, как абсолютная монархия для «развития нарождавшегося купеческого класса» и «для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев»³².

Здесь уместно отметить несостоятельность концепции французского абсолютизма, проводимой Б. Ф. Поршневым. Его утверждение, что «феодальный строй и охранявшая его дворянская монархия во Франции в XVII в. в конечном счёте зависели от полити-

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 672—673.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 214.

³² И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

ческой позиции буржуазии»³³, страдает антиисторичностью. Если следовать взглядам этого автора, то получается, что французская буржуазная революция могла с таким же успехом произойти и в первой половине XVII в. (на 150 лет раньше, чем она совершилась) и не произошла тогда лишь потому, что дворянство сообразило в нужный момент, как использовать для усиления своей диктатуры «политическую позицию буржуазии». Из предыдущих рассуждений Б. Поршнева мы узнаём, что борющийся народ мог бы и раньше уничтожить феодализм, если бы господствующий класс не располагал прежде достаточными силами физического и идеологического воздействия на угнетённые массы.

Все эти рассуждения, основанные на принципе «уравновешивания» сил борющихся классов и игнорирующие историческую действительность, никак не вяжутся с известным положением марксизма: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить»³⁴.

Подведём итоги всему сказанному об изменениях в строе феодального государства в ходе развития феодальной формации.

Зависимость государства от «гражданского общества», от его бытия проявляется, как мы видели, и в изменении «конституций» государства под влиянием изменений в социально-экономической структуре общества: изменения в условиях материальной жизни общества влекут за собой соответствующие перемены в организации государства. В рамках определённого способа производства изменения в строе государства осуществляются хотя и под действием вынуждающих обстоятельств, однако по «воле» господствующего класса.

Изменения в организации государства происходят не автоматически, не в результате прямого воздействия экономических факторов, а вследствие действия политических сил. При суждении о государстве во всяком обществе, построенном на эксплуатации большинства меньшинством, нужно постоянно иметь в виду природу этого государства как органа принуждения, созданного господствующим классом именно данного общественного строя и долженствующего служить только его интересам. Всесобъемлющее определение государства, данное товарищем Сталиным в докладе на XVIII съезде ВКП(б), не только раскрывает существо государства в любом классово-антагонистическом обществе, но и помогает вскрыть причины изменения государства. Мы пытались это показать на примере феодального государства.

Изменение феодального государства в процессе развития феодального общества, его эволюция от «поместья-государства» как основной ячейки иерархического феодального государства к централизованной, абсолютной монархии является не результатом его «саморазвития», а только отражением развития самого базиса — феодального способа производства. Как и всякая надстройка, политические учреждения имеют тенденцию к консерватизму; они изменяются только в последнюю очередь, так как, помимо всего прочего, они закреплены соответствующим законом. В этом и кроется в значительной степени источник их кажущейся автономии, независимости от общества.

Но также несомненно и то, что само государство тоже оказывает обратное воздействие на гражданское общество, на его экономическую основу: это мы видели хотя бы по той роли, какую сыграло государство в закреплении крестьянства, в ликвидации феодальной раздробленности и пр.

Самым сложным вопросом при решении поставленной нами проблемы был вопрос о тех опосредствующих факторах, которые определяли те или иные изменения в строе феодального государства непосредственно. Общие причины, или, если можно так выразиться, первопричины, всех этих перемен в организации феодального государства, достаточно известны. Наиболее полно они изложены в статье Энгельса «О разложении

³³ Б. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой, стр. 629. М.-Л. 1948.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 322.

феодализма и развитии буржуазии»³⁵. В этой работе Энгельса говорится о факторах, обусловивших изменения феодального государства.

Положение И. В. Сталина о том, что государство во всяком классово-антагонистическом обществе, в том числе и в феодальном, служит органом обуздания эксплуатируемых масс и что его усилия направлены главным образом на осуществление именно этой задачи, указывает нам на субъекта, утверждающего и изменяющего тот или иной государственный порядок, а также и на цель тех или иных изменений в строе этого государства. Цель приспособления государства к обществу заключается всё в том же стремлении эксплуататорского меньшинства удержать и при изменившихся обстоятельствах массы в узде и выколотить из них как можно больше добавочного продукта. И так длится до тех пор, пока господствующий класс в состоянии держать руль государства в своих руках, пока революция не выбивает из его рук государственной власти. Тогда наступает изменение государства по существу.

Проследивая прогрессивные перемены в строе феодального государства, мы видели, что настоящими «героями» при этом выступают не господа феодалы, вечно дравшиеся между собой и опустошавшие при этом страну, а трудящиеся массы, создававшие экономику общества, творившие своим незаметным трудом подлинную его историю. Они двигали производство, составляющее основу гражданского общества, а через него оказывали своё влияние и на само государство. Государство должно было приспособляться к изменившемуся обществу и соответствующим образом изменяться само. К этому его вынуждали те самые трудящиеся массы, которые не только создавали материальные блага, но и боролись против эксплуататоров, за свои человеческие права.

Всё это является яркой иллюстрацией к знаменитому положению И. В. Сталина об исторической науке: «Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государства, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»³⁶.

Изменения в строе феодального государства являются результатом классовой борьбы в феодальном обществе.

Но характер и значение классовой борьбы следует понимать исторически, а не как простое балансирование сил: действие эксплуатируемых масс снизу вызывает противодействие эксплуататоров сверху, и это последнее находит своё выражение в соответствующих изменениях государства (такую, например, концепцию проводит Б. Ф. Поршнев в упомянутой работе «Народные восстания во Франции перед Фрондой»).

Каждому способу производства, основанному на классово-антагонистических отношениях, свойственна своя специфика классовой борьбы и особые цели, которые ставят борющиеся классы³⁷. При феодализме эксплуатируемое большинство, т. е. крепостные, стремится превратиться в свободных людей и работать не на помещика, а на себя. По мере развития феодального способа производства изменяется и характер классовой борьбы и её непосредственные цели. Сообразно с этим изменяется и государство.

Однако изменение государства вызывалось не только стремлением господствующего класса «сбалансировать» действия снизу, но и его стремлением использовать выгоды экономического развития исключительно в своих интересах и выколотить побольше ренты из несвободных производителей. Господствующий класс при феодализме не столько обороняется, сколько наступает. Обострение классовой борьбы в ходе развития феодального способа производства объясняется тем, что силы, отрицающие феодализм, всё с большей настойчивостью стремятся вырваться из его рамок, а силы, утверждающие феодализм, всё с большей энергией стремятся не только обуздать силы разрушения, но и заставить их служить своим интересам и притом с ещё большей, чем прежде, выгодой. Этим и объясняется тот факт, что феодальное государство было способно до поры до времени выполнять вместе с узко классовой (субъективной) функцией общественно-полезную (объективную) роль.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I, стр. 440—450.

³⁶ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 552.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 467—468.